

РАЗДЕЛ III. ФИЛОСОФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

ББК 83.3

УДК 821.161.1-1

Г. И. Чепелева¹

ORCID: 0009-0007-2655-3788

Оренбургский государственный
педагогический университет

460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
chepeleva.gal@yandex.ru

Д. А. Астафьев²

ORCID: 0000-0002-8374-0498

Оренбургский государственный
педагогический университет

460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
astafev25@yandex.ru

«ПРИЗРАЧНАЯ СВЯЗЬ» ТОМАСА ЛИГОТТИ: СНОВИДЧЕСКИЕ МАНИФЕСТАЦИИ МЕТАФИЗИЧЕСКИХ МУТАНТОВ

Статья посвящена творчеству современного американского писателя, одного из представителей *weird fiction*, Томаса Лиготти. Философ, писатель, спекулятивный реалист Бен Вудард определяет философскую концепцию Лиготти как «Чревовещательный идеализм» (*ventriloquil idealism*). Для достижения состояния ужаса человеку необходимо чувство сверхъестественного, выраженного в невозможности и опустошенности, возникающее при столкновении укоренившихся в разуме предрассудков с тем, чему существовать не должно, однако находит оно выход в пространство реального мира, порождая в нем все новых демонов. Экзистенциальный ужас Лиготти фокусируется на повседневности и тривиальности, по-прежнему не доступных полноценному познанию ввиду не оставляющего

¹ Чепелева Галина Игоревна, студентка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия.

² Астафьев Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия.

сомнений в несовершенстве как наших органов чувств, так и самого мозга.

В получившем весьма символическое название цикле новелл Лиготти «Призрачная связь» одним из ключевых мотивов является концепция энтропии как процесса, ведущего к освобождению от страданий и ужасов существования. В нем исследуются темные уголки человеческого сознания, поднимаются вопросы о природе ужаса, смерти и разрушения. В творчестве Лиготти, поглощенные бездной непрерываемого кошмара души не представляются лишь результатом собственных страхов и сомнений – напротив, в философии автора лишь они «прозрели», в свободе человека «развидев» бессмысленность и абсурдность жизни.

Люди повсеместно стремятся к упорядоченности и стабильности, всячески стараясь избегать даже мысли о вторжении в привычный ритм чего-либо непредсказуемого и неуправляемого, упрямо отказываясь признать тот факт, что Хаос – неизбежное следствие, отсутствие закономерности в мире, где право на стабильность обретает лишь распад. Но что в действительности представляет собой реальный мир, а что остается иллюзией, порождением сознания, принимаемым за истину призрачным сном?

Ключевые слова: Томас Лиготти, *weird fiction*, «Призрачная связь», энтропия, реальность, безумие, ужас

Введение. Вопрос об определении границ между рациональностью и безумием представляет собой одно из актуальных направлений дискурса современной философии. Так, философ, писатель, спекулятивный реалист Бен Вудард, один из представителей спекулятивного реализма, в своих работах подвергает критике теоретические подходы, стремящиеся к установлению четких границ между разумным и безумным, первоочередно подвергая сомнению критическую философию Иммануила Канта и представителей большей части последующей континентальной философии. В противоположность искусственно возводящей барьер между рассудком и сумасшествием системе, формирующей недопустимую для философии преграду, препятствующую полноценному исследованию мира, спекулятивный реализм предлагает доступ к «Великому Внешнему», рассматриваемому в контексте стремления к абсолюту.

При всей схожести с пессимистическими взглядами другого известного философа Ника Ланда, Бен Вудард смотрит на мир иначе, ставку делая на внутреннюю направленность, где сознание

рассматривается гораздо более глубоким и тревожным, чем те страхи, что являются откликом на внешние проявления. Именно во внутреннем пространстве таится источник тревожащих человеческое существо страхов и переживаний, в нем происходит столкновение с самыми темными сторонами своей природы, порождая как самые глубокие желания, так и самые страшные кошмары, однако лишь через осознание и принятие этой внутренней реальности возможно получение, по крайней мере, отдаленных представлений об истинности окружающих процессов, но будет ли корректным утверждение понятия «истина» при всей субъективности в восприятии и представлении бытия, будучи соблазненными катастрофизмом актуального момента?

«Чревоушительный идеализм» (*ventriloquist idealism*) – термин, предложенный Бенедиктом Вудардом для описания философской концепции современного американского писателя Томаса Лиготти [3, 203]. Трансцендентальная составляющая мысли Лиготти представляет собой вызов для традиционного реалистического подхода. Для достижения состояния ужаса человеку необходимо чувство сверхъестественного, выраженное в невозможности и опустошенности, возникающее при столкновении укоренившихся в разуме предрассудков с тем, чему существовать не должно, однако находит оно выход в пространство реального мира, порождая в нем всё новых демонов. При рассмотрении сверхъестественного с феноменологической точки зрения в качестве метафизического аналога безумия, Лиготти подобным образом уравнивает его с мыслью, становящейся неотъемлемой частью материального бытия, порождая парадоксальное осознание того, что мысль невозможно уничтожить, не уничтожив одновременно ее материальный носитель.

Как спекулятивный реализм делает акцент на необходимости выхода за рамки антропоцентрического мышления и сугубо человеческой перспективы, придерживаясь позиции активной критики корреляционизма, так и философия Лиготти не представляется абстрактной и оторванной от реальности. Напротив, она укоренена глубоко в материальной основе мира, предстающей зачастую в зловещем и угрожающем воплощении, где кошмарная реальность становится своеобразным зеркалом, отражающим темные стороны психики и бытия. Экзистенциальный ужас Лиготти фокусируется на повседневности и тривиальности, по-прежнему не доступных полноценному познанию ввиду не оставляющего сомнений несовершенства как наших органов чувств, так и самого мозга. «Нашими жизнями движут силы, о которых мы ничего не знаем,

и восприятия, которые несовершенны. Порой мы слышим, как люди говорят, что не чувствуют себя собой. Что ж, кем или чем они тогда чувствуют себя?» [1], – рассуждает автор в одном из интервью.

Актуальность темы определяется еще и тем обстоятельством, что творчество Т. Лиготти не так часто становится объектом исследования, что отражено, по сути, в количестве изданных научных публикаций по теме за последнее время [2; 4–5].

Основная часть. В получившем весьма символическое название цикле новелл Лиготти «Призрачная связь» одним из ключевых мотивов является концепция энтропии как процесса, ведущего к освобождению от страданий и ужасов существования. В нем исследуются темные уголки человеческого сознания, поднимаются вопросы о природе ужаса, смерти и разрушения: «Каждый из нас либо в рядах деморализованных, указывающих путь в будущее вечного кошмара, либо же среди ничтожеств, восславляющих свой миг в аду» [6, 307]. Примечательно, что в творчестве Лиготти поглощенные бездной непрерываемого кошмара души не представляются лишь результатом собственных страхов и сомнений – напротив, в философии автора лишь они «прозрели», в свободе человека «развидев» бессмысленность и абсурдность жизни.

Рассуждая о предназначении деморализованных мутантов, Лиготти характеризует их следующим образом: «Из всех других именно им выпала миссия угнетать жителей Земли, чтобы ужасы существования могли исчезнуть в энтропическом процессе морального разрушения, кульминацией которого станет душевно неиспорченное потомство. В их трепетные руки было вручено настоятельное требование, чтобы эти ужасы умерли вместе с содержащими их сосудами» [6, 306]. Энтропия как процесс разрушения и распада становится символом освобождения от ограничений и норм, заставляющих людей жить в страхе и страданиях: «Превосходно задуманное мутантами нашего мира, будущее жаждет мира и свободы от страданий, путь к которым указывает деморализация: то есть – оно безоговорочно стремится уничтожить все манифестации сна во Вселенной» [6, 307].

«И слово «деморализованный» было голым эвфемизмом, обозначающим спектр ошеломительного зла, которое наш вид когда-либо испытывал, и его тенденция идти в конкретную сторону казалась еще более странной и мучительной. То же самое и с нашими индивидуальными жизнями – от начала и до конца, – настолько универсален процесс распада и разрушения. Что наверху, то и внизу...

и что внизу, то и наверху. В конце концов, в вещах была магия или, по крайней мере, так казалось, – метафизический идеал нематериального, получивший внешнее воплощение» [6, 298].

Зло не имеет конкретного облика и является столь же универсальным, как и процессы распада и разрушения, облекаясь как в формы распада окружающей среды, так и проявляясь в виде разрушения социальных связей, упадке ценностей и морали. В то же время стремление к устранению зла и неприятие темной стороны человеческой природы неизбежно ведет к обеднению и обезличиванию человека. По мнению немецкого мыслителя Карла Ясперса, человек не является принудительным синтезом противоположностей, но в глубинных истоках своих представляет борьбу, являющуюся неотъемлемой составляющей его бытия. Ключом к более полному восприятию жизни становится признание потаенных сторон души как полноправных аспектов человеческого опыта, включая сокрытые или подавленные в процессе стремления к идеалам добра и справедливости, когда отказ от признания негативных сторон как человеческой природы, так и природы окружающего мира лишь приводит к созданию иллюзорного и безопасного пространства, в котором человек теряет связь с реальностью и подлинной сущностью своего существования, приводя лишь к обеднению духовного опыта и утрате целостности личности.

Человеческое сознание представляет собой одну из наиболее сложных и загадочных областей, являясь фундаментальным аспектом человеческого существования, определяющим способности к восприятию, мышлению и самосознанию. Одной из составляющих сознания является иррациональная интуитивная часть, дающая человеку представление о мире за пределами рационального понимания в отчаянном желании увидеть больше, чем допускает человеческий разум, однако внутренне страшась столкновения с этим. Жуткое обнажает пределы человеческого разума, заставляя задуматься о том, что находится за пределами нашего понимания и контроля, могущего находить отражение как во внешних явлениях, так и перетекать во внутренние, облекаясь в форму принадлежащих человеку страхов, сомнений и желаний, однако вытесняясь им вследствие неписываемости в привычные рамки его самосознания, имея лишь расплывчатые очертания подступающей тревоги, плавно перетекающей в ощущение уязвимости и беспомощности.

Человекоподобные существа вызывают у нас особый интерес и эмоциональное вовлечение, поскольку кажутся ближе к людям с точки зрения генетического сходства. В рассматриваемом контексте

столкновение с существами, способными имитировать человеческое поведение и эмоции, не обладая при этом сознанием и самосознанием, искаленным человекоподобием своим автоматически кажется неестественным и пугающим, становясь источником ужаса, однако одного внешнего сходства для проявления подобного эффекта недостаточно. Источником страха выступает здесь не столь само сходство, сколь замечаемое отклонение, вследствие которого возникает резкое отторжение человекоподобной сущности, когда мозг испытывает трудности в идентификации ассоциируемого с человеческим опытом гуманоидного существа.

В некотором смысле они были идентичны людям, при этом образы их диссонировали с общей массой: «Их ручки и ножки двигались подобно инвалидным протезам, но их инвалидность не вызвала сочувствия, должен заметить, а скорее наоборот – как будто она была чем-то заразным, от чего надлежало держаться как можно дальше» [6, 325]. Маленькие существа, так умело вторгавшиеся в пространство реального мира, что присутствие их для ненастравленного взгляда не представлялось неестественным, а лишь донельзя удачно вписывалось в повсеместно царящую бессмыслицу, не являвшуюся отражением ничего, кроме как наполнявшей жителей и всё мирское их существование, выраженное копошением в пустоте.

Человекоподобие страшит. При наличии высокой степени выраженности антропоморфных черт, недостатки их вызывают большее отвращение, чем механически выглядящие создания. Жители Маленькой Страны непредсказуемы: герой не в состоянии понять и интерпретировать поведение этих существ. Они не испытывают боли, чуждыми для них оказываются эмпатия и автоматически приписываемые людям эмоции и переживания, а заторможенность, механизированность движений при отчетливой внешней искусственности (пресловутое отсутствие морщин на лице, не единожды упоминаемое в процессе повествования) лишь добавляет противоречивости в их восприятии, ведь человек – не просто наделенная реакциями биологическая машина.

Чудовищным было осознание того, что человекоподобие их представляет собой ни что иное, как карикатуры на живых людей. Что представляли собой Человечки? Являясь отражением человека, символом его желаний и стремлений, сохраняя в присутствии своем ощущение напряжения, мыслимого источником угрозы и опасности, постепенно, но отчетливо вытесняли человека, замещая его, будучи на самом деле колонией неестественных сущностей, стремительно

вторгавшихся в самую аномалию нашего мира [6, 329]. «Одно только движение было сутью их жизнью, видимостью жизнью. И ведь они были нашим отражением – тем, чем мы хотели бы быть» [6, 331].

Бесформенная пустота, лишенная какого бы то ни было смысла и на деле не определенная никем и ничем, где перевозносимый в качестве Венца Творения человек не представляет ценности – напротив, он ничтожен, а ничтожность его облекается в такую же неестественно созданную оболочку «деланья ради деланья», не несущую никакого смысла, на деле представляя из себя недалеко ушедшее от адских порождений существо, ничтожное до того, что не только не выделяется на их фоне, но и тошнотворную «видимость» даже не имеющих индивидуальности и собственной идентичности жильцов Маленькой Страны представляет идеалом существования, и страшно в этом то, что такой отчетливый изъян, создающий общее впечатление присущего существам и деятельности их уродства, очевиден лишь для отреченных соответствию в глазах общности иерархически превосходящим истину условностям, вследствие выбранной философии внимание сосредотачивая вокруг заведомого обретения статуса безумцев, когда для признанных в той или иной степени ущербными «быть уникально ущербным само по себе в радость при невозможности исцеления» [6, 283], лишь подогревая интерес к познанию сокрытых сторон бытия.

Нельзя при этом в утвердительной форме рассуждать об отсутствии интеллекта у Маленьких и Полумаленьких. Развернувшаяся во тьме панорама строительства Маленькой Страны была не более чем действием, «деланьем ради деланья», возводимые же здания представляли собой лишь призрачную иллюзию ради обозначения присутствия. «Но разница была в том, что этот городишко не был построен изначально, чтобы продержаться долго, словно Людишки знали заранее, что нет смысла заботиться о постоянстве» [6, 328]. В контексте произведения строительство Человечков следует рассматривать одним из наиболее заметных проявлений распада иллюзий о стабильности; вторжение же Людишек в самую аномалию нашего мира следует интерпретировать как вторжение в воцарившее вокруг пространство хаоса и бессмыслицы, лежащие в основе нашего мира: «Но помимо этого Людишки вообще не стремились к стабильности – они всегда знали, что мир был лишь хаосом, бессмыслицей и пустячностью» [6, 328].

Одним из интересных аспектов изучения взаимосвязи между физическим и психическим здоровьем человека является исследование влияния болезненной телесной жизни на активную, порой даже

гиперактивную душевную и психическую жизнь. Раз за разом героя рассказа посещает во снах некто, именуемый Посредником, подобный одному из тех существ, которые постепенно заполняют человеческий мир. Посредник и сам со временем вырывается за пределы онейрического пространства, становясь не просто ориентиром, способствующим и контролирующим процесс реализации преследуемой деморализацией цели, но и в сверхъестественном своем облики представляя пред горсткой «деморализованных мутантов», подрывая и без того нестабильное психическое состояние ввиду гипотетического отсутствия различий между сном и реальностью. «Как только у меня возникает сомнение в том, произошло ли действительно то событие, о котором я вспоминаю, я сам подозреваю себя в безумии, разве что я не уверен, не было ли это просто сном» [7, 428], – писал Артур Шопенгауэр, однако и возможность подозревать подопытные Лиготти со временем утрачивают, уже не ставя под сомнение факт наличия безумия в мире, а лишь констатируя его присутствие. В случае с героями «Призрачной связи» постановка вопроса изменяется: кто безумен в большей степени – человеческое существо, сновидения которого постепенно перетекают в реальную жизнь, или Вселенная, однако что вообще представляет собой реальность?

Заключение. Постмодернизм в философии предлагает радикально новый взгляд на природу человека, отвергая классические представления о целостности и гармоничности его существования. В отличие от идеалистических концепций, где человек рассматривается как целостное существо, способное к полной реализации своих творческих и духовных потенциалов, постмодернизм утверждает идею принципиальной расколотости и раздробленности человеческого бытия. Акцентируя внимание на фрагментарности и множественности человеческого опыта, в рамках рассматриваемой парадигмы выдвигает теорию об отсутствии доступной к описанию целостной природы человека, представляя его совокупностью противоречивых элементов, невозможных к сведению воедино, взамен поиску «идеи человека» предлагая исследование отдельных аспектов его существования.

Сама же по себе целостность представляет сложное и многогранное понятие, охватывающее как внутреннюю основу личности, так и идеал, к которому человек стремится. Мы переживаем эпоху разобщенности, разрозненности и пустоты, лишь болезненно напоминающую об отсутствии даже приблизительной точности в самом определении существа человека, не знающего, чем он

является и куда идет, и непрестанно сознаем свою потерянность и одиночество в бескрайнем пространстве космической тьмы, среди множественных скоплений звезд и галактик лишь слабым мерцанием ощущая способность сознать и поддерживать идентичность, отделяя себя от укоренившихся установок, однако не имея достаточного для противостояния уровня внутренней силы, устойчивости и гибкости или желания сохранять личную целостность. Сталкиваясь с необходимостью интеграции различных аспектов собственного «Я», сопряженной нередко с внутренними конфликтами и противоречиями, несмотря на всю значимость в контексте рассмотрения отдельной личности, целостность может приводить к парадоксальным последствиям на коллективном уровне, когда различия становятся все более очевидными. Хаос – пространство, не имеющее ограничений. Разобщенность – порок, преследующий человечество на протяжении всей его истории. Как в течение предшествующих веков, так и поныне ситуация социальной дезинтеграции является одним из ключевых вызовов, требующим учета как индивидуальных, так и коллективных аспектов человеческой природы. Люди сознательно изолируются, отчуждаясь друг от друга, в то время как преодоление разобщенности требует совместных усилий и координации, невозможность чего нередко является лишь следствием ограниченности видения среди искусственно возводимых баррикад.

«Но то ли дело Полукровка – вторгаясь в наш мир, они ходили здесь, как у себя дома, будучи источником сомнений о том, кем или чем является человек как форма жизни. Ведь каким бы набившим оскомину ни казался этот вопрос, он по-прежнему продолжает тревожить нас – не зная точно, что значит быть человеком, мы не можем и доподлинно знать, стоит ли наше столь трудоемкое самосохранения тех свеч, чье слабое мерцание мы упорно продолжаем поддерживать посреди бездонной космической тьмы. Не можем мы решить, прекратить или же продолжить само существование человечества (если вообще существует что-то, что можно назвать человечеством), потому как в итоге мы разобщены и на индивидуальном, и на коллективном уровне, – не цельные организмы, как нам хотелось бы о себе думать, а скопления разрозненных кусочков» [6, 338].

Мы ищем смысл в мире вокруг нас, но можем ли мы быть уверены в том, что нашли его, когда принятая за смысл иллюзия оказывается заблуждением? Рассуждая в заключительной части произведения о природе существования и самой человеческой жизни,

герой утверждает тщетность людского существования, где нет более веры в иллюзорные блага, придававшие ранее жизни по крайней мере некоторую ценность посреди концептуального уродства выстроенной людьми системы: «Веками вся эта суета была лишь нелепым месивом, вот что я усвоил», «Что вообще нужно для того, чтобы наша жизнь обрела хоть какой-то смысл? <...> Может быть, любой мир, хоть наш, хоть какой угодно другой, нелеп по определению» [6, 347; 6, 337].

Человеческое бытие расколото, при этом мучительны для него как попытки единения с Другим, так и то, что Человек мучительно фрагментарен сам. Люди повсеместно стремятся к упорядоченности и стабильности, всячески стараясь избегать даже мысли о вторжении в привычный ритм чего-либо непредсказуемого и неуправляемого, упрямо отказываясь признать тот факт, что Хаос – неизбежное следствие, отсутствие закономерности в мире, где право на стабильность обретает лишь распад. Но что в действительности представляет собой реальный мир, а что остается иллюзией, порождением сознания, принимаемым за истину призрачным сном?

Список источников

1. Satanis V. Devotees of Decay and Desolation. Thomas Ligotti interview / D. Dishaw (ed.) // Eldritch Infernal. 2008. URL: <http://web.archive.org/web/20090524061519/http://www.eldritch-infernal.com/ligotti.html> (дата обращения: 30.01.2025)
2. Васильев М. Ф. Образ мира как чужой игры в литературе космического ужаса // Филология и культура. 2024. № 1(75). С. 72–80. EDN CGSDRL.
3. Вудард Б. Безумная спекуляция и абсолютный ингуманизм: Лавкрафт, Лиготти и weirding философии // Логос. 2019. Т. 29, № 5(132). С. 203–228. EDN ASQDUZ.
4. Гусейнов А. С. Оптика «кошмара» и «обыденности» в рассказе «Нифескюрьял» Томаса Лиготти // Визуальное во всем: Сборник статей Спецсеминара. М.: ООО «Эдитус», 2024. С. 110–116. EDN MXFCLG.
5. Игина З. А. Текстовая изотопия: языковой механизм реализации топики // Критика и семиотика. 2016. № 1. С. 44–59. EDN WAYGCF.
6. Лиготти Т. Пока мой труд не завершён: [сборник] / Пер. с англ. Г. Шокина, А. Одношивкина. Москва: Издательство АСТ, 2024. 480 с.
7. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / Пер. с нем. М. И. Левиной. Москва: Наука, 1993. Т. 2. 672 с.

REFERENCES

1. Satanis V. Devotees of Decay and Desolation. Thomas Ligotti interview / D. Dishaw (ed.) // Eldritch Infernal. 2008. [Electronic resource] URL: <http://web.archive.org/web/20090524061519/http://www.eldritch-infernal.com/ligotti.html>. (date of access 30.01.2025) (In Eng.).
2. Vasil'ev M. F. Obraz mira kak chuzhoj igry v literature kosmicheskogo uzhasa [The Image of the World as an Alien Game in the Literature of Cosmic Horror] // Filologija i kul'tura, [Philology and culture], 2024. № 1(75). Pp. 72 – 80. EDN CGSDRL. (In Russ.).
3. Vudard B. Bezumnaja spekuljacija i absoljutnyj ingumanizm: Lavkraft, Ligotti i weirding filosofii [Mindless Speculation and Absolute Inhumanism: Lovekraft, Ligotti, and Weirding Philosophy] // Logos, [Logos], 2019. T. 29, № 5(132). C. 203–28. EDN ASQDUZ. (In Russ.).
4. Gusejnov A. S. Optika «koshmara» i «obydenosti» v rasskaze «Nifeskjur'jal» Tomasa Ligotti [The Optics of «Nightmare» and «Ordinary Life» in the Short Story «Nifescuria»" by Thomas Ligotti] // Vizual'noe vo vsem: Sbornik statej Specseminara, [Visual in Everything: Collection of Articles from the Special Seminar]. Moscow: OOO «Jeditus», 2024. Pp. 110–116. (In Russ.).
5. Igina Z. A. Tekstovaja izotopija: jazykovej mehanizm realizacii topiki [Textual isotopes: a linguistic mechanism for the realization of topics] // Kritika i semiotika, [Criticism and semiotics], 2016. № 1. Pp. 44–59. EDN WAYGCF. (In Russ.).
6. Ligotti T. Poka moj trud ne zavershen: [sbornik] [My Work Is Not Yet Done] / Tomas Ligotti; perevod s anglijskogo Grigorija Shokina, Aleksandra Odnoshivkina. Moscow: Izdatel'stvo AST, 2024. 480 p. (In Russ.).
7. Shopengaujer A. Mir kak volja i predstavlenie [The world as will and representation] / Per. s nem. M.I. Levinoj. Moscow: Nauka, 1993. Vol. 2. 672 p. (In Russ.).

THOMAS LIGOTTI'S "THE SPECTRAL LINK": DREAM MANIFESTATIONS OF METAPHYSICAL MUTANTS

Galina I., Chepeleva

student, Orenburg State Pedagogical University,

(Russia, Orenburg)

Dmitry A. Astafiev

Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department
of Russian History, Orenburg State Pedagogical University,
(Russia, Orenburg)

Abstract

The article is devoted to the work of a modern American writer, one of the representatives of weird fiction, Thomas Ligotti. Ben Woodard, a philosopher, writer and speculative realist, defines Ligotti's philosophical concept as «ventriloquial idealism». To achieve a state of horror, a person needs a sense of the supernatural, expressed in impossibility and emptiness, and arising from a collision of prejudices rooted in the mind with something that should not exist, but it finds a way out into the space of the real world, giving rise to new demons in it. Ligotti's existential horror focuses on the everyday and trivial, still inaccessible to full knowledge due to the undoubted imperfection of both our senses and the brain itself.

In Ligotti's symbolically named cycle of short stories, «The Spectral Link», one of the key motifs is the concept of entropy as a process leading to liberation from the suffering and horrors of existence. It explores the dark corners of human consciousness, raising questions about the nature of horror, death and destruction. In Ligotti's work, souls swallowed by the abyss of uninterrupted nightmare do not seem to be just the result of their own fears and doubts – on the contrary, in the author's philosophy, only they «saw the light», beholding the meaninglessness and absurdity of life in human freedom.

People everywhere strive for order and stability, trying in every way to avoid even the thought of something unpredictable and uncontrollable intruding into the usual rhythm, stubbornly refusing to acknowledge the fact that Chaos is an inevitable consequence, the absence of regularity in the world where only disintegration has the right to stability. But what is the real world, and what remains an illusion, a product of consciousness, a ghostly dream accepted as the truth?

Keywords: Thomas Ligotti, weird fiction, «The Spectral Link», entropy, reality, madness, horror

Для цитирования: Чепелева Г. И., Астафьев Д. А. «Призрачная связь» Томаса Лиготти: сновидческие манифестации метафизических мутантов // Libri Magistri. 2025. № 1 (31). С. 38–49.

Поступила в редакцию 31.01.2025